МУЖ ПРОИГРАЛ МЕНЯ В КАРТЫ

18+

АЛЁНА МЭЙ

Алёна Мэй

Муж проиграл меня в карты

https://litres.ru/74754164
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж проиграл меня в карты незнакомому человеку. Он вернулся под утро, разбудил меня и сообщил об этом.

Я не заплакала и не стала умолять его оставить меня. Я забрала его колоду карт, вышла из квартиры и села в чёрный внедорожник, который уже ждал у подъезда.

Максим Крылов не спрашивал, хочу ли я остаться и не предлагал мне выбор. Он просто поставил меня перед фактом: с этого дня я живу в его доме, ем за его столом и делаю то, что он скажет.

Он сказал, что не тронет меня, пока я сама не попрошу, и с тех пор каждая ночь в его доме превратилась в борьбу с самой собой.

Он думает, что выиграл в карты слабую женщину, которая не сможет дать ему отпор. Он ещё не знает, кого именно он выиграл.

Содержание

Глава 1. Ставка 4
Глава 2. Долг 18
Глава 3. Ужин 31
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Алёна Мэй
Муж проиграл меня в карты

Глава 1. Ставка

Кирилл вернулся в четыре утра, и по тому, как он возился с замком, я поняла всё раньше, чем он переступил порог.

Он никогда не умел открывать дверь тихо. В трезвом виде ещё кое-как получалось, но пьяный он всегда выдавал себя с головой. Ключ скрёбся о металл, связка падала, он чертыхался, поднимал её и снова ронял. Я лежала в темноте с открытыми глазами и считала секунды. Двадцать три. Столько ему понадобилось, чтобы справиться с одним замком, который я открывала за две.

Свет в прихожей вспыхнул и полосой ударил по потолку спальни. Я зажмурилась и не двигалась. За пять лет брака я выучила эту науку до совершенства: лежать неподвижно, дышать ровно, не подавать голоса. Иногда помогало. Он про-

ходил мимо, падал на диван в гостиной и засыпал, а утром я делала вид, что ничего не слышала. Иногда не помогало.

Сегодня не помогло.

Шаги были тяжёлые и неровные, он задел плечом косяк, и я услышала, как дверь спальни стукнулась о стену. Потом он долго стоял в проёме. Я чувствовала его взгляд: пьяный, мутный, но внимательный.

— Ника!

Я не отозвалась.

— Ника, я знаю, что ты не спишь. Не притворяйся, пожалуйста.

Он был прав, и смысла ломать комедию не было. Я открыла глаза и села в постели. То, что я увидела, мне не понравилось.

Кирилл стоял в дверях, держась за косяк, и его лицо было серым. Не бледным, а именно серым, как у человека, которому плохо. Возможно, от выпитого, а возможно, от чего-то другого. Рубашка выскочила из брюк, галстук он сдёрнул и засунул в карман, воротник был расстёгнут на две пуговицы.

Глаза красные.

За пять лет я видела его разным. Злым, жалким, униженным, требовательным. Но испуганным никогда.

— Что случилось? — спросила я. — Ты меня пугаешь.

Он открыл рот, потом закрыл. Провёл ладонью по лицу, и я заметила, что рука дрожит. Мелко, противно, как у старика.

— Я должен тебе кое-что сказать, — выдавил он. — И я не знаю, как это сказать, чтобы ты поняла.

— Говори как есть. Я пойму.

Он сделал шаг в комнату, потом второй и сел на край кровати. Матрас прогнулся под ним. От него разило так, что меня замутило: алкоголь, табак и ещё что-то резкое, металлическое, чужое. Я отодвинулась.

— Я играл, — сказал он.

— Я знаю, что ты играешь. Ты делаешь это последние полгода, если не больше. Я не слепая.

— Ты не знаешь всего.

— Тогда скажи мне всё. Сколько ты проиграл?

Он долго молчал, глядя на свои руки. Пальцы у него всегда были красивые, длинные, ухоженные, он ими гордился. Сейчас они дрожали и казались чужими.

— Я проиграл много, Ника. Очень много.

— Сколько?

— Всё, что у меня было.

Я не поняла. Правда не поняла. Слово было короткое, знакомое, но оно не складывалось в смысл.

— Что значит всё, Кирилл? Объясни мне.

— Бизнес, — сказал он. — Машину, счета и квартиру.

Последнее ударило под дых. Квартира была общей. Он не имел права её трогать.

— Как ты это сделал? — спросила я, и голос у меня сел.

— Думал, что отдам. Я был уверен, что всё вернётся, Ника. Я всегда отыгрывался.

— Ты поставил квартиру на кон? Ты понимаешь, что ты натворил? Ты понимаешь, что мы теперь останемся без квартиры? Ты понимаешь, что это наше единственное жильё?

— Я всё верну! — Он схватил меня за руку, и я почувствовала, какая у него холодная и влажная ладонь. — Я найду деньги, я договорюсь, мне дадут время. Мне нужно время, вот и всё.

Я вырвала руку.

— Что ещё?

— Ника…

— Что ещё ты проиграл, Кирилл? Говори до конца.

Он поднял на меня глаза, и в них было такое, что у меня по спине пополз холод. Не раскаяние. Не страх передо мной. Что-то другое, чего я не могла назвать. Как будто он уже перешагнул черту и теперь смотрел на меня из-за неё.

— Тебя, — сказал он.

Я не поняла. Правда не поняла. Слово было знакомое, короткое, но оно не складывалось в смысл. Как будто он сказал «стол» или «дверь». Я смотрела на него и ждала, что он объяснит, поправится, скажет, что это шутка, что он пьян, что это бред.

— Что ты сказал?

— Я поставил тебя, — повторил он, и голос его стал твёрже. Так говорят люди, которые уже приняли решение и теперь только выполняют его. — В последней партии. Мне нужна была ставка, Ника. Большая. Я не мог просто уйти. Я думал, что выиграю. Я всегда выигрывал, когда играл покрупному.

— Ты поставил меня, — сказала я медленно, и каждое слово давалось мне с трудом. — Как вещь. Как машину. Как квартиру.

— Это была не вещь, это была…

— Как что, Кирилл? Как что ты меня поставил?

— Как гарантию.

Я встала. Стояла босиком на холодном полу и смотрела на человека, с которым прожила пять лет. На человека, которому отдала молодость, тело, здоровье, всю свою жизнь, которую так и не начала. Он сидел на краю нашей кровати, пьяный, серый, и ждал, что я скажу.

— Кому? — спросила я.

— Что?

— Кому ты меня проиграл?

Он молчал.

— Кирилл, кому?

— Максиму Крылову, — сказал он тихо.

Имя мне ничего не говорило. Я слышала его впервые. Но по тому, как он его произнёс, тихо, почти шёпотом, я поняла, что этот человек в его жизни не случайный.

— Кто это?

— Он занимается тем, что решает вопросы.

— Какие вопросы?

— Разные, и я не хочу об этом говорить.

— Он бандит?

— Нет, он не бандит. Ника, это сложно объяснить. У него есть дело. Карты, долги. К нему приходят, когда нужно решить что-то, что нельзя решить через суд. Я задолжал ему ещё до того, как сел за стол. Я думал, что отыграюсь.

— Значит, ты не просто проиграл меня в карты. Ты отдал меня в счёт долга.

Он встал и попытался взять меня за плечи. Я отступила.

— Не трогай меня.

— Ника, послушай. Он скоро приедет. За тобой.

— Что?

— Он приедет за тобой. Я не могу его остановить. Я пытался.

Я стояла и смотрела на него. Внутри было пусто. Как

в комнате, из которой вынесли всю мебель. Я думала, что должна чувствовать что-то другое. Что я должна плакать, кричать, бить его, падать в обморок. Но я не чувствовала ничего.

Потому что то, что я чувствовала последние пять лет, это тоже было почти ничем. Медленное, тихое умирание. Он не бил меня. Он делал хуже: он говорил мне, что я никто. Что без него я не проживу. Что я должна сидеть дома, не работать, не читать, не видеться с людьми. Что я должна быть благодарна за то, что он рядом.

И я верила. Пять лет верила. Пока сегодня, в четыре утра, он не сказал мне, что поставил меня на кон. И я вдруг поняла, что всё это время и была вещью. Просто он ещё не решил, когда от неё избавиться.

— Хорошо, — сказала я. — Во сколько он приедет?

Кирилл моргнул.

— Что?

— Я спросила, во сколько он приедет.

— Ты… ты не…

— Во сколько?

— В восемь, наверное. Он сказал утром.

Я развернулась и пошла к шкафу. Открыла дверцу, оглядела свои вещи. Платья, которые он выбирал. Бельё, которое он одобрял. Туфли, которые он покупал. Всё это было чужое, потому что я никогда не выбирала ничего сама.

Я взяла сумку, которая лежала на антресолях, положила на кровать и открыла.

— Что ты делаешь? — спросил Кирилл.

— Собираюсь.

— Куда ты собралась?

— Туда, куда меня проиграли.

Он вскочил и схватил меня за локоть. Пальцы впились в кожу, я поморщилась.

— Отпусти.

— Ника, подожди. Мы можем решить. Я поговорю с ним, я найду деньги, я…

— Отпусти меня, Кирилл.

— Я не могу тебя отпустить, ты не понимаешь!

— Ты уже отпустил. Ты меня проиграл. Три часа назад, за карточным столом, в чужом доме, незнакомому человеку. Ты не имеешь права меня держать.

Он замер. Что-то в моём голосе или в глазах заставило его разжать пальцы. Я отвернулась и начала складывать вещи. Простое бельё, джинсы, чёрное платье, которое он считал слишком вызывающим, косметичка, книга, которую я прятала под матрасом, потому что он не разрешал мне читать глупости.

Он стоял и смотрел. Потом начал говорить. Тихо, быстро, путано. Что он не хотел, что так вышло, что он всё исправит, что он меня любит, что без меня не сможет, что я должна его понять.

Я не слушала. Слова падали на меня, как капли дождя по стеклу, не проникая внутрь.

Когда сумка была собрана, я выпрямилась и посмотрела на него.

— Знаешь, что самое смешное?

Он замолчал.

— Я ведь тебя когда-то любила. По-настоящему. Я думала, что смогу тебя спасти. От пьянства, от долгов, от тебя самого. Я думала, что если буду хорошей женой, всё изменится. А потом я перестала думать и просто жила, как в комнате без окон.

— Ника…

— А ты просто продал меня. Как вещь. Потому что ничего другого у тебя не осталось.

Я взяла телефон и посмотрела на время. Четыре сорок.

— Я пойду подышу. Мне нужно подумать.

Он открыл рот, чтобы ответить, но не нашёл слов. Я вышла из спальни.

В прихожей пахло его сигаретами и чем-то чужим. Я на-

дела пальто, то самое, которое купила на свои деньги тайком, потому что он считал его слишком дорогим для меня. Застегнула пуговицы и взяла ключи. И остановилась.

На тумбочке у зеркала лежала колода карт. Его колода. Та, с которой он не расставался, которую таскал в кармане, как талисман. Я смотрела на неё секунду, потом взяла и сунула в карман пальто. Не знаю зачем. Может, как трофей. Может, как напоминание. Может, как оружие, если понадобится.

Дверь закрылась за мной мягко, почти неслышно. В подъезде было темно и тихо. Я спустилась по лестнице, по ступеням, которые знала наизусть, и вышла на улицу.

Утро только начиналось. Серое, влажное, московское. Пахло снегом и выхлопными газами. Я стояла на тротуаре, сжимая в кармане холодную колоду, и смотрела в конец улицы, где загорались первые фары.

Чёрный внедорожник выехал из-за поворота и медленно двинулся в мою сторону.

Я не двинулась с места. Только выпрямила спину и подняла подбородок. И впервые за пять лет улыбнулась.

Пусть думают, что забирают жертву. Они ещё не знают,

кого именно выиграли.

Глава 2. Долг

Внедорожник остановился в десяти шагах от меня. Я стояла на тротуаре, сжимая в кармане колоду карт, и смотрела, как гаснут фары. Из машины вышел мужчина: молодой, светловолосый, в тёмной куртке. Он не торопился и не оглядывался по сторонам.

— Вы Ника? — спросил он, подойдя.

— Да, я Ника. А вы, я так понимаю, приехали за мной.

— Артём. Я работаю у Максима Андреевича. — Он открыл заднюю дверь и отступил в сторону. — Садитесь, пожалуйста.

— А если я откажусь? Что тогда?

— Тогда я всё равно вас отвезу, только это будет менее приятно для всех. — Он сказал это спокойно, без угрозы. — Пожалуйста, не усложняйте.

Я посмотрела на него, потом на машину. Спорить было не о чем. Я подошла, бросила сумку на сиденье и села. Артём закрыл дверь, обошёл машину и занял место за рулём. В салоне было тепло, играло радио на низкой громкости.

— Далеко ехать? — спросила я.

— За город, минут сорок.

— Куда именно?

— Узнаете на месте. Максим Андреевич не любит, когда я называю адрес заранее.

Я отвернулась к окну. Москва проплывала мимо: пустая, серая, ещё не проснувшаяся. Редкие машины, редкие прохожие, витрины с погашенным светом.

— Скажите, Артём, он всегда так делает? — спросила я.

— Как?

— Забирает людей. Как мебель.

Артём помолчал, потом ответил:

— Впервые. Женщину он забирает впервые. Обычно это касается других вопросов.

— Каких вопросов?

— Это не моё дело, и я не буду о нём говорить. Если вам что-то нужно будет узнать, вы спросите у него сами.

Я не стала настаивать. Мы ехали молча. Я смотрела на мелькающие фонари и думала о том, что через сорок минут увижу человека, которому теперь принадлежу. Не по любви, не по согласию, не по своей воле. По карточному долгу.

Машина свернула с трассы на узкую дорогу между соснами. Снег здесь лежал нетронутый. Вскоре впереди показались ворота: высокие, кованые, с камерами по бокам. Артём нажал кнопку на пульте, и створки медленно разъехались.

Двор был огромный. Дом оказался особняком: три этажа, панорамные окна, тёмный камень, светлое дерево. Ничего показного.

Машина остановилась у крыльца. Артём вышел первым, открыл мне дверь.

— Приехали.

Я выбралась наружу. Воздух здесь был свежий, морозный, и я поёжилась. Мы поднялись по широким ступеням. Дверь открылась раньше, чем Артём успел к ней прикоснуться: за ней стояла женщина лет пятидесяти, в тёмном платье, с аккуратной причёской.

— Ника, — сказал Артём. — Это Тамара. Она покажет вам комнату. Если что-то понадобится, скажите ей.

— Комнату? Я думала, у нас будет разговор.

— Разговор будет позже. Максим Андреевич приедет вечером. Он сказал сначала устроить вас, а потом уже говорить о делах.

— То есть сначала меня нужно поместить в клетку, а потом уже объяснить, зачем я в ней оказалась?

Тамара посмотрела на меня без всякого выражения. Артём тоже.

— Я провожу вас, — сказала Тамара.

Я поднялась за ней по широкой лестнице на второй этаж. Коридор был длинный, светлый, с окнами во всю стену. Мы

прошли мимо нескольких дверей, пока Тамара не остановилась у последней.

— Вот. Всё, что нужно, внутри. Полотенца, халат, косметика. Если чего-то не хватает, скажите, я принесу.

Она открыла дверь, и я вошла.

Комната была красивая. Широкая кровать с белым бельём, мягкий ковёр, тёмные шторы, туалетный столик с зеркалом, шкаф. На столике бутылка воды, стакан, коробка конфет.

— Это всё? — спросила я, оглядываясь.

— Да. Максим Андреевич просил передать, что вы можете пока отдохнуть. Он приедет вечером.

— Во сколько?

— Он не сказал точно. Завтрак внизу, если хотите есть. Я накрою.

Я вдруг поняла, что действительно голодна. Последний раз я ела вчера днём, а сейчас было утро. И ещё я поняла, что не спала всю ночь.

— Спасибо. Я спущусь через десять минут.

Тамара вышла и закрыла за собой дверь. Я осталась одна.

Первым делом я подошла к окну. Из него открывался вид на лес и небольшое озеро вдалеке. Я попробовала открыть створку. Заперто. Я не удивилась.

Я села на кровать, сняла пальто, бросила рядом сумку. В кармане всё ещё лежала колода карт. Я вытащила её и разложила на кровати. Король пик. Дама бубен. Валет червей. Шестёрка треф. Эти картонки только что перевернули мою жизнь. Одна партия. Одна ставка.

Я собрала колоду и убрала обратно в карман. Потом пошла в ванную, умылась, привела себя в порядок. Зеркало показало мне женщину с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Я долго смотрела на себя, пытаясь понять, что чувствую. Пустота. Как будто внутри выключили свет.

Я умылась холодной водой, расчесала волосы пальцами, надела чистую рубашку. Спустилась вниз. Тамара накрыла на кухне: небольшой стол у окна, кофе, омлет, тосты, сыр. Я села и позавтракала. Спокойно, без спешки.

— Максим Андреевич будет вечером, — сказала Тамара, когда я закончила. — Он просил передать, чтобы вы отдохнули. Комната в вашем распоряжении, дом тоже, кроме запертых дверей на третьем этаже

— А если я захочу выйти на улицу?

— Во двор можно. За ворота нельзя. Если понадобится, Артём вас проводит.

Я кивнула. Свобода в пределах забора. Я вернулась в комнату, легла на кровать и закрыла глаза. Сон пришёл быстро.

Проснулась я, когда за окном уже темнело. Часы показывали почти шесть вечера. Я проспала весь день. Тело было тяжёлое, голова гудела, но мысли стали яснее. Я встала, умылась. И стала ждать.

Он приехал около семи. Я услышала, как внизу хлопнула дверь, как он что-то сказал Тамаре. Потом шаги по лестнице, наверх, в свою комнату. Я осталась сидеть на кровати и ждать. Через двадцать минут в дверь постучали.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял он.

Я ждала увидеть старого, грузного, лысого, стереотипного хозяина жизни из девяностых. А увидела мужчину лет тридцати пяти, высокого, широкоплечего, в тёмной рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках. Коротко стриженные тёмные волосы, острые скулы, тёмные глаза. Шрам через левую бровь.

Он остановился в двух шагах от меня и посмотрел.

— Ника, — сказал он. Голос низкий.

— Максим, — ответила я.

Он чуть склонил голову набок.

— Ты не боишься. Я ждал, что ты будешь бояться.

— А я ждала, что вы будете старым и толстым. Мы оба разочарованы.

Он усмехнулся, но не по-доброму.

— Садись. Разговор будет долгий.

Я села в кресло у окна. Он остался стоять.

— Ты знаешь, почему ты здесь? — спросил он.

— Знаю. Меня проиграли в карты.

— Тебя проиграл твой муж.

— Я знаю, кто меня проиграл. Я не идиотка.

— И ты не злишься на меня?

Я посмотрела на него.

— Злюсь на него. Не на вас. Вы выиграли, это его вина, что он проиграл.

— Логично, — сказал он. — Холодно, но логично. Мне это нравится. Ты дерзишь, но не истеришь. Это редкость.

— Я рада, что произвела впечатление.

— Не ёрничай. Это тебе не идёт.

— А что мне идёт?

Он помолчал, глядя на меня.

— Не знаю пока. Посмотрим.

Он отошёл к окну, постоял, глядя на улицу. Я ждала. Он вернулся и сел в кресло напротив.

— Твой муж должен мне очень много, — сказал он. — Денег, которые он никогда не вернёт. Активов, которых у него нет. Ты часть долга.

— Я не часть долга. Я живой человек, и я не позволю обращаться со мной, как с вещью.

— В этом мире, Ника, всё чей-то долг. Ты хочешь сказать, что ты не знала, чем занимается твой муж?

— Я знала, что он играет. Я не знала, что он ставит меня на кон.

— Он не первый, кто это делает. И не последний.

— Это не оправдание.

— Это не оправдание, — согласился он. — Это реальность. Ты теперь живёшь в моём доме. Ты ешь за моим столом. Ты делаешь то, что я скажу. Не потому, что я тебя за-

ставляю, а потому что так будет легче для нас обоих.

— А если я не буду делать то, что вы скажете?

— Тогда будет хуже.

— Насколько хуже? — спросила я.

Он посмотрел на меня.

— Достаточно хуже. Я не люблю ломать. Я люблю, когда сдаются добровольно.

— Значит, вы ждёте, что я сдамся.

— Я жду, что ты поймёшь, — сказал он. — Рано или поздно. Поймёшь, что бороться не с кем. Я не враг тебе, Ника. Я не твой муж. Я не собираюсь тебя унижать.

— А что вы собираетесь со мной делать?

— Пока ничего. Я хочу посмотреть, кто ты. Ты можешь быть интересной. А можешь быть пустышкой, как большинство. Тогда я решу, что с тобой делать.

Он встал и направился к двери. Взялся за ручку, но не

открыл. Обернулся.

— И ещё, Ника.

— Что?

— Я не буду тебя трогать. Пока сама не попросишь.

— Что?

— Я не насильник. Я не беру женщин силой. Никогда. Я беру только тех, кто сам приходит. Так что можешь спать спокойно. Пока.

Он вышел и закрыл дверь.

Я стояла посреди комнаты и смотрела на закрытую дверь. Сердце колотилось, во рту пересохло. Я не знала, что чувствую. Облегчение? Злость? Разочарование?

Он сказал: пока сама не попросишь. Значит, он был уверен, что я попрошу. Что приду. Что сдамся.

Я села на кровать и уставилась в окно. Я не сдамся. Я не приду. Я не попрошу. Я повторяла это, как мантру. Но где-то глубоко, под слоями злости и упрямства, шевельнулось что-

то другое. Я вспомнила его руки, его взгляд, его близость. Я вспомнила, как он смотрел на меня. Не как на вещь. Как на женщину.

Я тряхнула головой. Нет. Не сейчас. Не так.

Я встала, подошла к шкафу, открыла. Внутри висела моя одежда, та, что я собрала дома. Тамара уже развесила её на плечиках. Рядом пустые вешалки. Я взяла чёрное платье. То самое, для особых случаев. Я его не надевала уже давно, потому что Кирилл считал его слишком. Теперь у меня не было Кирилла.

Я посмотрела на платье. Потом на дверь. До ужина оставалось меньше часа. Я решила пойти. Не потому, что он велел. Потому что я хотела посмотреть ему в глаза и сказать, что я не боюсь. Не сдамся. Не стану его.

Я повесила платье обратно и пошла в ванную, привести себя в порядок. Я знала: через некоторое время я снова увижу его. Максима. Человека, который выиграл меня в карты.

И я поняла, что не боюсь этого. Скорее жду.

Глава 3. Ужин

Я спустилась вниз ровно в семь. Тамара ждала меня у лестницы и проводила в столовую.

Стол был накрыт с одного конца, на две персоны. Максим сидел во главе и читал что-то в телефоне. Когда я вошла, он отложил телефон и указал мне на стул по правую руку от себя.

— Садись, — сказал он.

Я села. Тамара внесла горячее и ушла. Мы ели молча, и я чувствовала на себе его взгляд.

— Расскажи мне о себе, — сказал он, когда с ужином было покончено.

— Зачем вам это?

— Ты будешь жить в моём доме, и я хочу знать, кто ты. Это нормально.

— Нормально было бы спросить, хочу ли я вообще здесь жить.

— Ты хочешь?

— Нет.

— Вот видишь. Поэтому я и не спрашиваю.

Он отложил ложку и откинулся на спинку стула. Тамара внесла второе.

— Чем ты занималась до того, как вышла замуж?

— Закончила филфак МГУ, работала в издательстве. Хотела писать.

— Писала?

— Немного, рассказы. Ничего серьёзного.

— Почему перестала?

— Вышла замуж, и муж сказал, что жена должна быть дома, а не на работе.

— И ты согласилась.

— Я думала, что это временно, что он перерастёт и я вернусь к работе, когда он поймёт, что я не собираюсь его бросать. Я ждала пять лет.

— И что случилось?

— Ничего. Он не перерос, я не вернулась. А потом он проиграл меня в карты.

Максим молчал, глядя на меня без насмешки и без жалости.

— Ты его любила?

— Сначала любила, по-настоящему. Я думала, что смогу его спасти от пьянства и от долгов, а потом поняла, что спасать некого, он не хотел спасаться.

— Почему ты не ушла от него?

— Боялась остаться одна и верила ему, когда он говорил, что без него я никто. Я прожила с ним пять лет и всё это время считала себя пустым местом.

— А сейчас ты себя пустым местом не считаешь?

— Сейчас я сижу за столом с человеком, который выиграл меня в карты, и рассказываю ему то, что не рассказывала никому. Странно, но пустым местом я себя больше не чувствую.

— Это не странно, это честно. Ты честная, мне это нравится.

Я не знала, что на это ответить. Мне никто не говорил, что я честная. Кирилл говорил, что я холодная и вечно чем-то недовольна.

— А вы чем занимаетесь? — спросила я, чтобы перевести разговор. — Мне сказали, что вы решаете вопросы.

— Решаю. Ко мне приходят, когда не могут решить сами.

— Какого рода вопросы?

— Разные: долги, сделки, конфликты. Я не бандит, если ты это хочешь спросить, и я не убиваю людей. Но я и не ангел.

— А кто вы?

— Человек, который умеет договариваться и не прощает, когда его обманывают. Этого достаточно.

— А если я вас обману?

— Ты не обманешь. Ты не глупая, и тебе нечего скрывать. Ты уже рассказала мне всё, что у тебя было.

— Не всё.

— Не всё, — согласился он. — Но достаточно.

Он встал и сказал, что покажет мне библиотеку. Я пошла за ним через холл. Библиотека оказалась большой: стеллажи до потолка, диван, камин. У стены стоял стол, покрытый зелёным сукном.

Максим подошёл ко мне и остановился в шаге. Я подняла голову. Он наклонился и коснулся пальцами моей щеки, легко, почти невесомо. Я вздрогнула. Пальцы у него были тёплые. Он провёл по скуле и убрал руку.

— Ты красивая, — сказал он. — Твой муж дурак, что не ценил этого.

— Мой муж дурак, но это не комплимент мне.

— Это не комплимент. Это факт.

Он отстранился и сказал, что мне пора спать. Я поднялась в свою комнату и закрыла дверь.

Я легла на кровать и попыталась уснуть, но сон не шёл. Я всё ещё чувствовала его пальцы на своей щеке, и от этого воспоминания по телу разливалось тепло. Я злилась на себя. Он не сделал ничего особенного, просто коснулся. А я лежу и не могу думать ни о чём другом.

Я вспоминала Кирилла. Наш брак закончился в постели гораздо раньше, чем за карточным столом. Последние года три он хотел меня редко, и каждый раз это было одинаково: он ложился сверху, делал своё дело и отворачивался к стене. Никогда ни поцелуя, ни слова, ни взгляда. Я лежала под ним и думала о том, что нужно купить завтра в магазине.

Я не помнила, когда последний раз хотела мужчину. Я вообще забыла, что это чувство существует. Думала, что со мной что-то не так, что я холодная, что во мне умерло что-то важное. Кирилл тоже так думал. Он говорил мне, что я фригидная и что с такой женой никакой мужик не выдержит.

А сегодня этот мужчина коснулся моей щеки, и во мне что-то отозвалось. Не в голове. В теле.

Я встала, накинула халат и вышла в коридор. Спустилась на первый этаж, дошла до кухни, налила воды. Сон не возвращался. Я стояла у окна и смотрела на тёмный двор, пока не заметила полоску света из-под двери библиотеки.

Я могла пройти мимо. Могла вернуться в комнату и лечь. Но я не хотела врать себе. Я хотела узнать, что будет, если я сделаю шаг. Не ради него. Ради себя. Ради той части меня, которая пять лет молчала и сегодня впервые подала голос.

Я толкнула дверь.

Максим сидел в кресле у камина. Огонь почти погас, только угли тлели красным. В руке у него был бокал. Он не обернулся, хотя слышал, как я вошла.

— Ты не спишь, — сказал он.

— Как и вы.

— Я всегда плохо сплю.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Взгляд у него был тяжёлый, не сонный, а какой-то тёмный. Я поняла, что он пьёт не первый бокал.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Пить хотела, увидела свет.

— И решила зайти.

— Да.

Он смотрел на меня долго. Я стояла в дверях, в халате, с распущенными волосами, и не отводила глаз.

— Зачем? — спросил он.

— Хотела понять, зачем вам всё это: я, разговоры, правила. Если бы я была для вас просто долгом, вы бы не сидели со мной за столом и не спрашивали бы обо мне.

Он отставил бокал и медленно поднялся.

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

Он остановился в шаге от меня. Я видела его глаза, тёмные, с янтарными искрами при свете огня.

— Я хочу тебя, — сказал он просто. — С первой минуты, как увидел. Но я не беру то, что не хотят отдать добровольно.

— А если я не хочу?

— Тогда я буду ждать, — ответил он без всякого выражения, как будто говорил о чём-то, что давно решил.

— И сколько вы готовы ждать?

— Столько, сколько понадобится. Это ничего не изменит.

Его спокойствие раздражало меня больше, чем угрозы.

— А если я никогда не захочу?

— Тогда вы уедете, и я вас не трону. Я не буду держать вас силой, если вы решите, что не хотите оставаться.

Он сказал это без пафоса и без давления, как говорят о том, что уже давно решено. И именно это меня сломало. Не его слова о желании, не его близость, а это спокойное, твёр-

дое «я буду ждать», как будто он был уверен, что рано или поздно я приду сама.

Я стояла и смотрела на него, и внутри меня боролись два чувства. Злость на то, что он так уверен в себе. И то самое тепло, которое разлилось по телу от одного прикосновения к щеке и никуда не ушло.

Я думала о том, что если сейчас развернусь и уйду, то вернусь в свою комнату, лягу в постель и снова буду той женщиной, которой меня сделал Кирилл. Холодной, неживой, пустой. А я больше не хотела быть такой. Я хотела почувствовать себя живой. Хотя бы раз. Хотя бы с этим мужчиной, который смотрит на меня так, будто я чего-то стою.

— А если я устала ждать? — спросила я, и голос сорвался на хрип.

Он замер.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю.

— Если ты сейчас скажешь «да», обратной дороги не будет. Я не из тех, кто отпускает.

— Я знаю.

— Тогда подойди и встань на колени.

Я замерла. Он смотрел на меня без улыбки, без насмешки. Он не шутил.

— Что?

— Ты слышала. Если ты хочешь меня, ты встанешь на колени и скажешь это сама. Я не буду повторять дважды.

Я стояла и смотрела на него, и внутри всё кричало остановиться. Но тело уже двигалось само. Я сделала шаг, потом второй, и опустилась на колени перед креслом. Пол был холодный, но я не чувствовала холода. Я смотрела снизу вверх, и он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде не было ни торжества, ни пощады.

— Скажи, — потребовал он.

— Я хочу тебя.

— Громче.

— Я хочу тебя!

— И ты будешь делать то, что я скажу.

— Буду.

Он наклонился, взял меня за подбородок и поднял моё лицо. Потом провёл большим пальцем по моим губам, раздвинул их и вставил палец в рот. Я не поняла, что он делает, но подчинилась, потому что глаза его не оставляли выбора.

— Соси, — сказал он.

Я сделала, как он велел. Он держал мою голову за затылок, направлял меня, и я чувствовала, как он напрягается от каждого моего движения. Потом он вытащил палец и сказал:

— Вставай.

Я встала. Он развернул меня спиной к себе и толкнул вперёд, к дивану. Я упала на него руками и коленями, и он не дал мне выпрямиться. Его рука легла мне на затылок и прижала к дивану так, что я уткнулась лицом в подушку. Другой рукой он сдёрнул с меня халат, потом сорочку, и я осталась голой, стоя на четвереньках, лицом вниз.

— Не двигайся, — сказал он.

Я замерла. Он провёл ладонью по моей спине, от шеи до поясницы, медленно, как будто изучал. Потом его рука спустилась ниже, между ног, и он накрыл меня ладонью. Я вздрогнула всем телом. Он надавил пальцами, раздвинул их, провёл по влажному, и я услышала собственный стон в подушку.

— Ты уже готова, — сказал он. — Хорошо.

Он не стал ждать. Вошёл сразу, одним движением, глубоко. Я вскрикнула, но он прижал меня сильнее, не давая двинуться. Он держал меня за бёдра обеими руками и начал двигаться. Каждый толчок был сильным, глубоким, без пауз. Он не давал мне привыкнуть, не замедлялся. Он брал меня так, как хотел.

Я не могла двигаться. Я могла только принимать. Мои руки скользили по дивану, я пыталась ухватиться за что-то, но он держал меня крепко, не давая отстраниться. Я чувствовала, как он входит до конца, как его тело накрывает меня, как его дыхание сбивается. И я ничего не могла с этим сделать. Мне оставалось только подчиняться.

Я никогда не чувствовала ничего подобного. Кирилл ни-

когда не брал меня так. Он никогда не держал меня, не приказывал, не заставлял. Он просто делал своё дело и отворачивался. А этот мужчина брал меня, как будто я была его собственностью, и от этого во мне поднималось что-то такое, чего я не знала за собой.

Он наклонился ко мне, прижался грудью к моей спине и сказал в самое ухо:

— Тебе нравится.

Я не ответила. Я не могла ответить. Я только застонала, и он услышал этот стон.

— Скажи это, — потребовал он. — Скажи, что тебе нравится.

— Мне нравится, — выдавила я.

— Ещё.

— Мне нравится, как ты меня берёшь.

Он отпустил мои бёдра, схватил за волосы и потянул на себя, заставляя меня выгнуться. Я вскрикнула. Он держал меня за волосы одной рукой, другой — за плечо, и продол-

жил двигаться, ещё жёстче, ещё глубже. Я чувствовала, что не выдержу долго. Внутри всё сжималось, нарастало, и я не могла это остановить.

— Не смей, — сказал он. — Не смей кончать, пока я не скажу.

Я замерла. Я не знала, что так можно. Я не знала, что можно приказать телу не кончать. Но я почувствовала, как волна отступает, потому что он сказал, и потому что я не могла ослушаться.

Он двигался ещё несколько минут, держа меня за волосы, и я слышала его дыхание, чувствовала, как он напрягается. Потом он сказал:

— Теперь можно.

И я кончила. Так сильно, что у меня потемнело в глазах. Я вскрикнула в подушку, тело выгнулось, ноги задрожали, и я бы упала, если бы он не держал меня за бёдра. Он кончил следом, глубоко, с глухим стоном, и ещё несколько секунд оставался во мне, тяжело дыша.

Потом он отпустил меня и вышел. Я осталась лежать на диване, голая, раздавленная, лицом вниз. Огонь в камине по-

чти погас. Я слышала, как он застёгивает брюки.

— Иди спать, — сказал он ровно.

Я не двинулась. Я не могла двинуться. Тело не слушалось.

— Иди спать, Ника. Уже поздно.

Он не обернулся. Взял свой бокал, допил одним глотком и поставил обратно на столик. А потом вышел из библиотеки, не сказав больше ни слова.

Я лежала и смотрела в подушку. Внутри всё ещё дрожало от того, что только что произошло. Тело болело, приятно и остро. Но в груди было холодно.

Он взял меня и ушёл. Не обнял, не поцеловал, не сказал ничего.

Я медленно села. Нашла сорочку, порванную, и халат. Оделась, кое-как прикрылась. Встала. Ноги подкосились, я схватилась за подлокотник.

Я вышла из библиотеки и пошла наверх. В коридоре было темно и тихо. Дверь его комнаты была закрыта.

Я зашла к себе, легла в постель и уставилась в потолок.

И только тогда поняла, что произошло. Я не проиграла и не выиграла. Я подчинилась сама, добровольно. А он взял и ушёл.

Он не отпустил меня. Он оставил меня.

Это было хуже, чем если бы он выгнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.